

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

6

МЫ ЕГО знали живым — страстным, мудрым, удивительно цельным, сохранившим неукротимую молодость мысли и в свои поздние годы... Теперь его нет с нами, но, как и раньше, он по-прежнему вторгается в нашу художественную жизнь, постоянно присутствует в ней своим примером, опытом, высоким накалом творческого духа.

Об этом думаешь, читая книгу Ю. Барабаша «Довженко. Некоторые вопросы эстетики и поэтики». Книга, как явствует из подзаголовка, — исследовательская, проблемная и вместе с тем проникнутая ощущением живого Довженко, его большой и кипучей личности, неотделимой от своего времени.

Четко и многосторонне раскрыто в исследовании критика то главное, что составляло могучий корень Довженко-художника: органически присущие ему партийность и народность, идейная насыщенность и гражданственность, кровная связь с думами, делами, заботами советского общества. Первый по значению из «уроков Довженко», объясняющий, между прочим, и столь характерную для него смелость художественного мышления, — это его постоянное требование быть в творчестве «на высоте высшего политического деятеля». Эта черта эстетики Довженко ясно и точно понята критиком и послужила для него той путеводной нитью, с помощью которой он шел «внутри» других проблем, связанных с творчеством автора «Земли», «Зачарованной Десны». Работу Ю. Барабаша отличает сочетание добросовестного конкретного анализа с развернутыми «заходами» в область актуальных вопросов, эстетики, теории, по которым идут споры, кипят страсти, идейная борьба. Пожалуй, иначе и нельзя писать о Довженко, ведь он сам упорно и много размышлял на философские темы искусства и сам был в постоянной полемике с недругами и упростилами эстетики марксизма-ленинизма.

Для исследователя творчество Александра Довженко — живое доказательство неисчерпаемой художественной широты социалистического реализма. Не какого-то особого «романтического метода», который, по предположениям некоторых литературоведов, существует якобы в нашем искусстве, а именно социалистического реализма, его творческой многогранности и жизненности. Да, довыженковский романтизм — это крылатый реализм, по образному определению автора. Но, «включаясь» в современные споры о художественном многообразии, критик резонно напоминает, что в теоретическом истолковании этой проблемы не может быть места никакой эклектике, никакому многообразию

«без берегов». «Попробуем трезво взглянуть, — пишет Ю. Барабаш, — на реальную, а не идеальную картину нынешнего литературного процесса. Только ли стиливая пестрота, только ли разнообразие манер обращают на себя внимание? Разве нет произведений, авторы которых явно исходят из иных методологических принципов, нежели принципы, лежащие в основе социалистического реализма?»

Леонид

НОВИЧЕНКО

УДИВИТЕЛЬНЫЙ

МИР

ДОВЖЕНКО

Хорошо показано Ю. Барабашем то свойство довыженковского творческого мышления, которое он называет тяготением к философскому синтезму. Автор говорит в этой связи о редкой способности художника видеть окружающий мир как сложное, противоречивое, но в конечном счете гармоническое единство, о довыженковском умении схватывать бесконечное разнообразие жизненных связей в их драматическом переплетении и постоянном движении.

НЕТ сомнения, что в этой смелости раскрытия жизненных противоречий и убедительной способности художественно разрешать их, в свете органически воспринятого «осердеченного», как говорил сам художник, коммунистического идеала, — один из источников силы и обаяния Довженко как художника нового мира.

Очень содержательный, богатый и общими размышлениями, и конкретным фактическим материалом раздел под названием «Кто мы?» посвящен проблеме национального и интернационального в творчестве художника. И здесь критик ставит дело на серьезную теоретическую почву, и здесь он полемичен и строг по отношению ко всякого рода крайностям, сомнительным и неправильным точкам зрения. Но главное, конечно, в анализе того реального единства национального и интернационального, коим и замечательно высоко, современное по духу искусство Довженко.

Этот анализ осуществляется автором научно, профессионально (подробно рассмотрены, например, проблемы традиций, национальная определенность характеров, стиля и т. п.). Хорошо сказано в книге, что ярчай-

шим «национальным характером» в «Арсенале» и других произведениях Довженко проступает сам художник: «...в нем отразилась украинская душа, украинский характер, причем отнюдь не в абстрактном, не в отвлеченном смысле этого слова, — нет, перед нами характер, в котором национальное слито с историческим и социальным, перед нами личность, вобравшая в себя опыт своей нелегкой эпохи и сплавившая этот опыт с традициями предков».

РАЗМЫШЛЕНИЯ критика пронизаны общей мыслью: для Довженко, как и для его героев, истинно национальное нераздельно сплавлено с социалистическим, интернациональным. Без этого было бы немыслимо раскрытие лучших черт народного характера, продолжение героической традиционной эпической старины.

Недаром в огненной военной публицистике Довженко, которой отведены в книге интересные страницы, так настойчиво звучал мотив «великого товарищества», той силы, которой нет равной в мире.

Автор стремится раскрыть в «уроках Довженко» то, что имеет непреходящее, всегда плодотворное значение для нашего искусства, и это ему в большинстве случаев вполне удается. В равной мере он понимает, каким ненужным и пустым занятием было бы подражать конкретным решениям большого художника как неким универсальным образцам: «Не надо равнять по нему других, он сам на себе испытал, что означает такая унификация». И общее отношение Ю. Барабаша к творчеству художника, которым он искренне увлечен, лишено умильности и слепого преклонения. Это любовь зрячая. Говоря о конкретных произведениях Довженко, он объективно и трезво отмечает в них те или иные слабости, случаи, когда горячая авторская мысль «хватала» куда-то в сторону от истины.

Проблемно-аналитический «ключ» исследования, который автор обещает в кратком введении, в общем успешно выдержан до конца книги. Хотя все же приходится заметить насыщенные самостоятельной, умной и ясной мыслью живые подлинные исследовательские страницы, которые в целом определяют лицо книги, подчас сменяются у Ю. Барабаша слишком уж обильным перечислительным коллекционированием примеров. Ей-богу, работа такого серьезного склада могла бы без этого вполне обойтись.

Г. Гейне как-то сказал о Спинозе, что в его произведениях шумит и колыхается стройными вершинами «лес идей». С неким схожим ощущением входим мы в художественный мир Довженко. Новая книга Ю. Барабаша, давно занимающего его творчеством, хорошо помогает понять и ощутить глубокий смысл этого мира.